

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рожнева Д.
студентка 1 курса специальности «Религиоведение»
КарУ им. Е.А. Букетова

Научный руководитель: **Солощенко П.П.**
старший преподаватель кафедры философии
и теории культуры
КарУ им. Е.А. Букетова

Духовную жизнь современного Казахстана уже невозможно представить без присутствия в ней религиозных взглядов и отношений. Более того игнорирование значимости религии в современной общественной жизни или неадекватная оценка значимости религиозного фактора в социальных взаимоотношениях способны привести к непредсказуемым последствиям. Поэтому поиск духовного согласия в обществе по вопросам религиозного характера, установление и развитие в обществе принципов уважения к различным духовным ценностям, в том числе и религиозным, остается важной и актуальной задачей на всех уровнях общественного сознания. Объективные и достоверные знания о содержании тех или иных религиозных взглядов помогают образованному человеку осуществить свободное и сознательное самоопределение в мировоззренческой позиции, духовных интересах и ценностях, научиться грамотно вести мировоззренческий диалог, овладеть искусством понимания других людей, чей образ мысли и действия являются иными.

Проблема исследования религиозного знания нашла свое отражение практических во всех известных философских системах. Слова О. Сулейменова следует принять как своеобразный призыв-обращение к современному поколению религиоведов: «Но что объединяло человеческие общества на протяжении десятков или сотен тысячелетий? Вера в бога. Можно ли с ходу отринуть этот феноменальный фактор, прочувствованный, осмысленный самой чуткой частицей природы – человеком мыслящим? Попытки

осознать это явление, придать ему постижимые разумом формы вполне понятны» [1; 118].

Эти строки отражают стремление поэта к предельной объективности посредством осмысленного переживания. Его итогом служит сделанный им вывод: «Язык и вся культура есть порождение религии солнцепоклонничества – с этого допущения должно было начинаться языкознание как часть культурологии. Но к этому пониманию лингвистика только-только подходит» [1;128].

Подобное заявление означает необходимость особого подхода не только к проблеме происхождения религиозного феномена, но и к становлению нового типа религиозоведческой науки. Один из немногих постсоветских учебников по философии под редакцией Губина В.Д. выделяет религиоведение как науку, которая в своем историческом существовании в качестве раздела современной философии имеет некоторые устойчивые типы, в основе которых в первую очередь отражен телеологический аспект религии [2; 326].

Основная идея данной концепции исходит из того положения, что философия религии всегда предстает либо как философское религиоведение, либо как философская теология, что соответствует философскому анализу наличной системы религиозных верований или представляет собой попытку конструктивного философского обоснования и разработку системы в виде философского учения о божестве.

Основным объектом философского изучения религии, темой многообразных философско-исследовательских подходов к религии являются религиозные верования. Под верованиями подразумевается религиозное знание, причем такое, которое считается само собой разумеющимся. Верования - это то, что верующие, приверженцы той или иной религии, знают о божественной реальности, о мире и о себе.

Это знание лежит в основе религиозной практике и вообще действия верующих. Поэтому, как полагает современная философия религии, понятие “ верования” правомерно применять и при обращении к тем религиозным традициям, где оно не употребляется.

Философское изучение религиозных верований может быть ориентировано на решении двух противоположных задач. Во-

первых, прояснение и оценка религиозных верований могут приводить к выводу о противоречивости и философской несостоятельности этих верований; во-вторых, они могут быть нацелены на философское оправдание верований.

В этом случае философское религиоведение предстает как философская апологетика или по существу сливается с философской теологией. Стержень философского религиоведения, по крайней мере, новейшего, формируется гносеологической проблематикой. Речь идет о проблемах обоснования и оправдания религиозных верований, преимущественно теистических верований.

Эти проблемы давно находятся в центре идейных споров вокруг религии. И это неудивительно, поскольку в рамках культуры, ориентированной на определенные стандарты в постижении мира и организации социальной жизни, неизбежна постановка вопроса о соответствии этим стандартам всех видов духовной, интеллектуальной и практической деятельности.

Вследствие целого ряда исторических факторов вопрос о соответствии религии утвердившимся стандартам рациональности всегда был особенно острым для европейской культуры. В рамках проблематики обоснованности и рациональности религиозных верований возможны две основные позиции: философски аргументированное сомнение, отрицание правомерности этих верований с точки зрения разума - философское подтверждение соответствия религиозных верований принятым или новаторским стандартам рациональности.

Безусловно, основополагающим направлением религиоведения является изучение религиозного опыта. Религиозный опыт это определенное состояние сознания, всей интеллектуально-эмоциональной сферы, которое соотносится самим субъектом с иной, более высокой реальностью. Т.е. для самого верующего основу религиозного опыта составляет сверхъестественное начало.

Те философы, которые обращались к изучению религиозного опыта, отмечают огромное многообразие такого опыта. Все выборы религиозного опыта в качестве объекта исследования свидетельствует о том, что можно говорить о наличии общих

черт и общих характеристиках, которые можно объяснить с философской точки зрения.

Современное философское религиоведение разделяет религиозный опыт на обыденный религиозный опыт и мистический религиозный опыт. Исторически сложившиеся религиозные верования являются, по сути, единственным средством интерпретации религиозного опыта. Истинность или ложность этого опыта может быть оценена посредством самих верований. Поэтому в рамках данной проблематики существенным моментом является возможность удостовериться в существовании Бога.

Этот раздел религиоведения вызывает наибольшее количество споров и разногласий. Одни авторы настаивают на иллюзорности и обманчивости осознания божественного начала, другие говорят о том, что оно имеет такое же право на существование наряду с другими формами сознания. В философском религиоведении сложилась вполне определенная традиция изучения мистицизма, который носит преимущественно компаративистский характер.

Мистический опыт традиционно воспринимается самими мистиками как опыт непосредственного, живого контакта с божественной реальностью, с абсолютным. Такой опыт в религиозном сознании воспринимается как единение с высшей реальностью, растворение в ней, погружение в нее, восхождение или нисхождение в нее. При этом переживаемые субъектом состояния воспринимаются как особые бытийные состояния, не имеющие аналогов в обычных сенсорных и интеллектуальных функциях сознания.

В различных религиозных традициях божественная реальность воспринимается по-разному. Соответственно различен характер мистического общения с этой высшей реальностью. Так же имеет место различное отношение к мистическому опыту в рамках монотеистических и более ранних религий. К примеру, христианство и ислам неоднозначно относятся к различным мистическим практикам, чаще всего, подразумевая под ними некий анархический и даже еретический смысл.

Завершая перечень основополагающих положений данного видения цели и задач религиоведения, мы можем акцентировать внимание на том, что, по мнению ее авторов, современная фило-

софия религии видит свою функцию в создании философского учения о Боге. Эта задача сводится, во-первых, к доказательству существования Бога, во-вторых, к определению самой божественной природы, и, в третьих, к характеристике отношения Бога и мира, Бога и человека. Эти задачи находят различное решение в различных конфессиональных и внеконфессиональных философских теологиях.

Тема религиозного знания и религиозного опыта, безусловно, сопряжена с личным опытом исследователя. Дорога, ведущая в Храм, проторена многими, но, все же, пройти ее можно только самому. Изложенная выше концепция религиоведения импонирует отсутствием догматичности и толерантностью суждений. В нашем случае это принятие существования внеконфессиональной философской теологии, к числу которых мы посчитали возможным отнести лингвистический путь обнаружения «божественного начала», представленный в работе О. Сулейменова.

Уникальность данного решения заключается не столько в констатации факта общего начала религии и культуры, но в признании и того, что культура как способ человеческого существования начинается с представления о божестве. Поскольку современная лингвистика проводит определенную параллель между мыслительными и языковыми структурами, религиозные символы заключают в себе некий религиозный опыт, который имел место на ранних стадиях культуры.

Раскрывая этот религиозный опыт О. Сулейменов исходит из того положения, что «Биполярность сознания («отрицание есть возвеличение») превращает те же знаки в детерминативы умножения. Тогда и родилось – божественное! Ибо только уничтожение не есть бог. Но и созидание, но и творение»[1; 126].

Семиотический анализ первых божественных знаков не просто указывает на их гендерное различие, но именно гендерные различия способны объяснить происхождение первых.

К примеру, первым божеством, по мнению О.Сулейменова, была Луна и ее земное воплощение бык. Как часто случается в истории, у них незамедлительно нашлись противники в лице солнцепоклонников, предавших Черного Быка Огню, земному воплощению Солнца. Не бык = корова или баран (самка).

Итак, ранним солнцепоклонникам палеолита было что скрывать в горных пещерах. Убивая земное воплощение луны, они, конечно же, совершали святотатство. Знак луны напоминает рога, соответственно убитая луна представлена тем же знаком с характерной чертой.

В доисторическую и в дописьменную эпохи архитектурные сооружения и святилища были украшены рогами быков и антилоп, которые считались лунными апотропеями. Существовал также обычай ставить шест с навершием в виде головы дикого или домашнего быка или коровы. Уже в то время они были связаны с культом великого лунного божества Осириса. Графически его изображали как росток.

Когда об Осирисе заговорили греческие источники, примерно в первом тысячелетии до н.э., он уже был богом растений. Таким образом, знак убитой Луны сам мог породить образ мироздания в виде дерева.

В истории человечества, по мнению О. Сулейменова, поклонение Солнцу развивалось несколько десятков тысячелетий и породило в итоге тенгрианство, зароастризм, буддизм, синтоизм, иудаизм, христианство и ислам.

Тенгрианство – особая форма поклонения богу в лице неба – Тенгри. Оно было распространено среди представителей многих народов степной Евразии. По мнению Л.Н. Гумилева, к XII-XIII векам тенгрианство сложилась как законченная концепция мироздания, восходящая к глубокой древности наряду с буддизмом, христианством и исламом.

Космология тенгрианства представлена концепцией о существовании трех миров с возможностями взаимного их общения между собой. Верхний мир это обитель духов, средний мир это обитель человека, нижний мир – царство мрака.

По мнению исследователя древних религий Л.Я. Штернберга, во всех ранних формах религий за культом неба скрывается культ Солнца. В свою очередь Солнцу, как олицетворению света, противостоит Ночь как первое порождение Хаоса, также имевшей своих «поклонников» и «почитателей». У Гомера ночь выступает в образе великой богини, на которую Зевс взирал с трепетом [3].

Как известно, легендарные орфики верили, что все произошло от ночи, от которой родился Уран (небо) и Гея (земля). Древнеиндийские и древнеегипетские представления о первоначале всего описывают его в образе тьмы. Следует предположить, что символом обожествленной ночи была Луна.

Традиция приношения жертвы Солнцу=Богу берет свое начало с тайных обрядов первых солнцепоклонников (врагов лунной религии) – убийства быка. Ритуал принесения в жертву Рогатого постепенно выродился, утратил первоначальный смысл. В одних культурах солнце изображают зачеркнутой луной, в других – опрокинутым месяцем.

Борьба племен за утверждение своего единственно истинного символа веры оказалась настолько яростной и беспощадной, что решением мудрейших было принято решение объединить эти два символа. Отныне верховные боги воплощались в виде кольца с палкой с одной стороны и бумеранга с другой.

Безусловно, фигура Иисуса Христа породила бесчисленное множество толкований. Дискуссии на эту тему не утихают и по сей день. Основной спор развернулся между сторонниками существованием Иисуса как исторического лица, и теми, кто считает, что он продукт религиозного мифотворчества. К последним примыкают те, кто видит в Иисусе очеловеченное астральное божество, видит его олицетворенным солнечным божеством, подобным богу-спасителю Митре, культ которого, занесенный из Ирана в I в. н.э., широко распространился по античному Средиземноморью.

На астральной теории происхождения Христа настаивали видные европейские ученые Г. Винклер, А. Древис, А. Немоевский и др. Представители французского Просвещения – Вольтер, Дидро, Гольбах, которые воспринимали христианство как идеологию, враждебную разуму и науке, видели в фигуре Иисуса одержимого фанатика.

Среди такого широкого диапазона взглядов и мнений верх одержало представление о милосердном и справедливом сыне божьем, представшем перед миром в образе человека, страшной мученической смертью искупившем грехи человеческие.

С этой точки зрения работа О. Сулейменова «Язык Письма» представляет собой уникальный опыт использования компарати-

вистского подхода. Слово должно быть рассмотрено не только в его звуковом и смысловом аспекте. Его графическое изображение в виде символа несет в себе огромную информацию.

Первичное графическое изображение звука, слога и первых слов несли функцию религиозного ритуала. В связи с этим мы можем говорить и о глубинных корнях разделения на мужское и женское, которое заключено не просто в различии их социального положения. Возможно биполярность сознания, и дуализм религиозного, мифологического и последующих философских понятий отражает изначальное гендерное различие.

Лингвистический анализ природы религиозного символа приоткрыл завесу над проблемой гендерного неравенства. На заре человеческой культуры первые религиозные символы и знаки отразили борьбу мужского и женского божества, закрепив ее в языке и завещая его последующим поколениям: «В эпоху матриархата – женщина и есть «человек». Не тогда ли возникает романская основа *uman – «человек», от которой humanus – по-человечески, гуманно (лат.) [1;70].

Таким образом, противостояние мужского и женского переходит в плоскость религиозных противоречий. В рамках нашей статьи подобный вывод может означать лишь то, что гендерный аспект следует учитывать не только в вопросе культурного, но и религиозного самосознания. И тогда установившаяся шкала социальных и духовных ценностей обретет свою более надежную опору.

В современном обществе происходит процесс секуляризации, десакрализации и объективации святого (в результате объективации понятие святого становится симулякром, чтобы его можно было оживить и дать новые соответствующие современные черты). Секуляризация связана с расцветом современности. Это является как следствием модернизации общества, так и модернизации религии. Поэтому с окончанием этой эпохи ее полное развитие, секуляризация как репрессия религии, точнее, ее институциональное влияние из повседневной жизни, лишается смысла. Наступает черед постсекулярного общества. Десакрализация - это то же самое подавление сакральности не только в повседневной жизни людей, как и секуляризация, но и в сознании в отношении определенных явлений, иерофаний, которые в ходе современно-

сти проявляют многие явления. Однако параллельно с процессами десакрализации продолжаются противоположные процессы сакрализации. Преодоление традиционных границ социальных институтов, а также явлений постмодерна, таких как квази-сознание и распределенная личность, приводит к противодействию святому, поскольку оно рассеивается и растворяется в море индивидуального опыта, который, в свою очередь, лишает один объект в форме высших сил. В ходе опыта святого в постмодернистский период человек и субъект даже не соответствуют одному, хотя и индивидуальному, разделенному традициями, как в современном сакральном пространстве, но бесконечному количеству ветвей дискретных сакральных пространств («завес»), где непрерывный процесс сакрализации проявляется в постсекулярном обществе.

Список литературы.

1. Сулеменов О. Язык Письма. Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества. - Алматы, 1998.
2. Философия: Учебник / Под. ред. В.Д. Губина. – М., 1998.
3. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции // <https://na5ballov.pro/lib/relig/547-shternberg-lya-pervobytnaya-religiya-v-svete-etnografii-issledovaniya-stati-lekcii.html>.